

Станислав Колокольников

Родился в 1974 году в городе Новоалтайске Алтайского края. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал курьером, строителем, арт-директором клуба, журналистом. Член Союза писателей России. Живет на Алтае.

ТЕОРИЯ О МУЗЫКАЛЬНЫХ ВСЕЛЕННЫХ

На первый взгляд, музыкальному редактору интернет-журнала о шестидесятих годах живется легко и весело. Пиши себе о гениях, слушай их нетленку да горя не знай.

Сначала так и было. Я написал про Хендрикса и Ника Дрейка. Вошел во вкус и накатал про The Velvet Underground, Артура Ли и Тима Бакли. Перечитал написанное и, довольный, пошел на Савёловский рынок во вьетнамское кафе «Сайгон». Там мы собирались регулярно, как на планерку.

— Гениальная музыка создает свои вселенные! — вещал я, махая рисовым блинчиком. — Мы все способны сочинять песни.

— Так уж и все, — не верил наш шеф-редактор Стёпа.

— А как же! В будущем люди так и будут общаться с пространством. Хочешь покорить космос быстро и красиво — бери инструмент и сочиняй музыку. За знанием не надо далеко лететь. Всё знание здесь, а в музыке ключи.

— За музыку! — поддержал Стёпа. — Сейчас отгоним рыжего от автомата.

В кафе недавно поставили музыкальный автомат по десять рублей за песню. Вечером очередь к нему не прекращалась. Репертуар был — от Бориса Моисеева до «Гражданской Обороны».

— Не отгоните, — сказал Касьян.

Он, как и мы, перебрался в столицу из Барнаула. Только лет на пять раньше. Работал парикмахером на Савёловском рынке напротив «Сайгона». Он и показал к нему дорогу.

— Почему? — спросил Стёпа.

— Мой клиент. Я его знаю. Упёртый на музыке.

— Это как?

— Он свой оупен-эйр делает, фестиваль трансовой музыки. Третий год без прибыли, а не сдаётся.

— Ты был там?

— Да, хорошо провел время.

К музыке шестидесятых Касьян был равнодушен, ему нравился Everlast.

— А ты, смотрю, расписался, — похвалил меня Стёпа. — Вчера выложил сразу две статьи, про «Студжиз» и про этих как их, англичане...

— «Тумороу», — напомнил я.

— Точно, «Тумороу». Клёвые, психоделические вполне. А потом я читал твою статью про Хендрикса и плакал. Ты, старик, мог бы писать для «Роллинг стоун». Это твоё.

— А почему нет.

— Тебе бы хорошо платили.

— Да, — соглашался я, — всяко больше, чем сейчас.

Наш интернет-журнал прибылей не давал. Мы работали на светлое будущее. На ставке я числился в журнале с бодрым и даже музыкальным названием «Энергослужба». Деньги на него давали то ли финны, то ли норвежцы. Там я устроился не хуже. Три раза в неделю приезжал в редакцию на улицу Правды, готовил к печати статьи о паровых котлах, генераторах и вентиляторах, а потом шел на Савёловский рынок в «Сайгон» есть вьетнамские блинчики, пить Ner Moi и слушать музыкальный автомат. Хендрикса там была всего одна песня: Purple Haze.

— Чтобы не было стыдно за бесцельно прожитое время, какой бы ерундой ты ни занимался, делай это под Хендрикса, — меня заклинивало на Джими, когда я его слышал.

— У нас еще рубрика «Литература», ты обещал про Воннегута, Керуака, Берроуза и Буковского написать, — переводил разговор Стёпа.

На последнем поезде метро я уезжал в Алтуфьево на съемную квартиру. Там меня ждала подруга. Она устала от нашего трéпа за шестидесятые.

На одной площадке с нами жили мои старые друзья, супруги Коростылёвы. Они тоже неплохо устроились, на пару пописывали в «Русский репортер». К тому же, квартира у них была не съемная, а своя. Три комнаты, заставленные полезными вещами. Двое детей, мальчик и девочка. И уютная кухня, где по выходным собиралась повеселиться их редакция.

Я старался не пропускать посиделки у Коростылёвых, каждый раз вспоминая, что уже пятница. Выпив для уверенности, я подсаживался к их главному редактору:

— Виталик, возьми меня к себе в «Репортёр». Могу про музыку писать, короткие рассказы или некрологи.

— Нам про музыку не надо. И вообще не надо... Лучше пошли в футбол поиграем.

— Когда?

— Сейчас.

— Где?

— Во дворе, на площадке.

— Дак выпили сколько, вредно же.

— Ерунда.

— Значит, не возьмешь?

— Нет.

— Не пойду.

Я подсаживался к другому. Дима Вебер писал рецензии на новые альбомы для Rolling Stone и постоянно приносил что-то интересное. Музыка у Коростылёвых играла всегда самая продвинутая и модная.

— А что, Дим, может, протолкнешь меня как-нибудь в «Роллинг стоун»? Я тоже о музыке пишу.

Дима весело смотрел на меня и щипал ниже поясницы.

— Значит, так? — недовольно спрашивал я.

— Только так.

— Не надо меня никуда проталкивать.

Иногда я забывал, какой месяц и день недели, сидел дома и писал. Прежде чем браться за статью, я представлял, что пишу о старых дружках, и начинал просто: «В середине 60-х, когда все прикольные чуваки уже метили в поп-звезды, молодой актер Стив Мариотт тоже решил обзавестись собственной рок-группой».

Если удавалось начало, дальше шло как по маслу. Я проживал статью, как собственную жизнь: «Псих психу рознь. Один сходит с ума сам по себе, другой сводит с ума кучу людей, и в этом его правда. Роджер «Сид» Кит Баррет с ранних лет хорошо рисовал и дирижировал в постели воображаемым оркестром, потому и вырос в талантливого парня, которому хотелось только одного — рисовать. Но вскоре Сид обзавелся гитарой».

Дописывал, и не в силах остановиться, брался за следующего: «Когда замесили звездное тесто, Сержу Генсбуру отвалили, не жадничая, с верхом. Ему хватило и на песни, и на кино, и на женщин, еще и дочурке и сыну кое-чего по наследству досталось».

Подписывался я тоже без затей: «Слава Сибаритов».

— По сути, человеку нужен только талант жить! — наседал я на Стёпу в «Сайгоне», перекрикивая музыкальный автомат. — Главное, быть гениальным художником своей жизни! Пиши книги, выращивай сад, снимай фильмы, сочиняй песни! Набивай себя талантами, как походную сумку для прогулки в вечность!

— Да, да! — кивал Стёпа, набивая рот рисовыми блинчиками.

— Но прежде всего — музыка! Сначала был звук, а потом слово! Талант обретает крылья под музыку! Вместе они устремляются в космос! Правда, одни звуки и песни не уходят дальше стратосферы, а другие, как «Перпл Хейз» несутся в запредельное! Давай еще раз послушаем!

— Сейчас! — шеф-редактор убежал к музыкальному автомату. Вернулся и сообщил: — Хендрикса нам заменит Егор Летов.

— Сойдёт.

Я бы написал про всех, кого ценил, но мировой финансовый кризис развалил мою привычную жизнь. И начал с журнала «Энергослужба». Главный редактор с удобной фамилией Крайний собрал нас и сказал:

— Коллеги, у нас есть два месяца. Выпустим последний номер и разбегаемся. Наши спонсоры отказываются от нас. Зарплату плюс выходное пособие я гарантирую.

Когда эту новость узнала подруга, она приуныла. Еще больше она приуныла через два месяца, когда я пришел домой с инструментом. На выходное пособие я купил гитару.

— Ты же не умеешь играть. Зачем тебе гитара? — спросила она.

— Хочу понять, что происходит вокруг. Без песен мне не разобратся.

— Каких песен?

— Надеюсь, своих. Я кое-что начал понимать в жизни. А пока буду составлять музыкальные сборники. Ещё несколько лет, и они будут цениться, как правильно составленная диета. Это же звуковая алхимия, альтернативный источник энергии!

— О, господи, да ты пьян!

Не увидев в музыке и гитаре наше будущее и новый источник энергии, подруга к осени нашла мужика понадежнее. Я обзавелся самоучителем игры на гитаре и переехал жить к Коростылёвым.

Я искал работу с понедельника по пятницу, ходил по собеседованиям через день, как на службу. Но после улицы Правды и журнала, где у меня было два библиотечных дня для работы со статьями и ненормированный обеденный перерыв, сидеть в офисе, как обычный трудяга, я не мог.

Возвращаюсь как-то вечером, а на кухне скромно сидит известный музыкант Псой Короленко, пьет чай, что-то курит и про Америку рассказывает.

— Откуда он у вас? — спрашиваю у жены Коростылёва.

— Дима привел. Он писал рецензию на его новый альбом. Как поиски работы?

— Был сегодня в одном месте. Говорят, опыта маловато.

Я налил вина для настроения и подсел к гостю:

— Послушай мои песни, Псой, вдруг понравится.

— Ты уже сочиняешь песни? — удивился Коростылёв.

— Почти. Дело за малым — научиться их играть.

Псой только улыбнулся в ответ и пошел в зал. Там поставили его новый альбом.

— Что с работой? — спросил Коростылёв

— Считаю работу за отдых, когда перед тобой великая цель.

— Восточная мудрость?

— Персидская поговорка.

— Какая у тебя великая цель?

— Вернуть миру дух шестидесятых.

В субботу я поехал на планерку в «Сайгон».

— Дела наши так себе, посещаемость сайта падает, — жизне-
радостно улыбался Стёпа. — И ты писать перестал. Последняя
коротенькая печальная заметка про Боба Дилана была в прош-
лом месяце.

— У меня ступор. Я хочу уехать отсюда.

— А как же первое мая? День рождения нашего журнала.

— Еще полгода до первого мая.

— Четыре с половиной месяца.

— А я ищу работу.

— Я знаю. Найдешь.

— Я не уверен, что хочу найти. Очень хочется уехать куда-ни-
будь. А что с музыкальным автоматом? Чего так тихо?

— Сломали.

— Поехали в «Проект ОГИ», — сказал Касьян.

У метро мы столкнулись с белобородым типом в красном
халате. Он раздавал флаера на концерт «Обе две» в «Атриуме».
Мысленно я примерил его костюм.

На следующий день в небольшой event-контуре у «Марксист-
ской» меня встречал бойкий молодой человек. Его бегающие
глазки прикидывали, сколько на мне можно заработать.

— Я буду вашим агентом, — не отрываясь от телефона, сооб-
щил он. — У вас есть фишка?

— Что?

— Что-то своё, чем вы отличаетесь от других. — Он от-
вечал на звонки с легкостью автоответчика: — По контент-
плану с него три статьи по две тысячи знаков. Темы такие:

«Организация новогоднего торжества», «День улыбки» и «Звезды эстрады на празднике».

— Я поющий дед Мороз. Это моя фишка.

— Прекрасно. Что у вас в репертуаре? — в глазах у агента, как в лузах игрового автомата, начал выпадать джек-пот.

— «Глупый мотылек догорал на свечке», — напел я.

— Вы это серьезно? — недоуменно проговорил агент. —

А что еще?

— «Бурлак» Гребенщикова, «Мокрая трава» Черного Лукича, «На чужом берегу» Свата. — И добавил, глядя в темнеющие глаза: — «Берегу» — это глагол.

— Стоп! — перебил администратор, приглядываясь к моим зрачкам. — Обойдемся без песен. Отправим вас в детский сад, там свой музыкальный руководитель. Надо «барыню» плясать да хоровод водить. Сможете?

— Полжизни этим занимаюсь.

— Вот и славно, — успокоился мой агент.

На первом новогоднем утреннике я с непривычки растерялся сначала. Путался в детях и нёс отсебятину. «Запорол праздник», — подумал я.

— Тихо говоришь, — сказала заведующая. — А так молодец.

Зайчики, лисички, феи, пираты и мушкетеры были от меня в восторге. Под моим чутким руководством они прыгали и бежали как заведенные. После полдника, на четвертом выходе, я освоился окончательно.

— Ох, загоняли старика, — уселся я под елку. — Устал, ребяташки, развлекайте меня.

— Мы тебе песенку споем про снежинки! — запрыгали дети.

— Радостно, — погладил я бороду. — Там, где хорошая песня, там мир и любовь.

Музыкальный работник, начавшая терять молодость женщина, грустно посмотрела на меня, кивнула и заиграла.

— Покрыты поляны пушистым снежком! — запели дети.

На заключительном утреннике я разошелся. И, веселясь как в последний раз, попал ватным снежком в музыкального руководителя. Она с интересом задержала на мне взгляд и взяла мажорный аккорд.

— Дедушка, приходи взрослых поздравить, — предложили родители мушкетера, которого я хвалил за костюм. — Ты же просто огонь!

— Можно, — подбоченился я. — Только дед старый, устает быстро, а витамины дорогие...

— Не обидим дедушку, — поняли родители. — Двадцать восьмого в шестнадцать часов на Китай-городе.

Мы обменялись телефонами.

— Ты куда, Мороз? — придержала меня заведующая, когда я собрался уходить. — Останься. Посидишь с нами.

За накрытым столом женское царство разбавили электрик, я и сын заведующей, руководивший детским садом в соседнем квартале. Молодой, высокий и красивый, как модель.

— В следующем году без всяких агентов сразу обращайтесь к нам. Будете нашим Дедом Морозом, — сказал он.

— Вы совсем не похожи на заведующего детского сада, как Трошкин из «Джентльменов удачи», я думал, все такие, — удивлялся я. — На молодого Алена Делона похожи.

— Мама настояла, я в театральный хотел.

Заведующая поздравила с наступающим, пожелала коллективу трудовых успехов, раздала подарки, но за столом чувствовалась некоторая скованность.

— А знаете, как отмечали Новый год в Древнем Вавилоне? — спросил я.

— Нет.

— Правитель покидал город на несколько дней, и его подданные могли делать все что угодно.

Заведующая и сын ушли первыми. Меня посадили к музыкальному руководителю и шепнули:

— Присмотрись к Веронике, она разведенная. Ей хороший мужик нужен.

— Дедушка старый, устает быстро, — попытался я восстановить прежние отношения.

— Выйди из образа, — строго сказал электрик.

Мы с Вероникой чокнулись шампанским. Заговорили о музыке.

— Я люблю Рахманинова, — сказала она.

— Сержа Генсбура назвали в честь него, — поддержал я.

— Кто это? — спросила она.

— Э... — начал было я.

Но Вероника, не дождавшись ответа, распустила черные волосы и закружила вокруг елки. Лучше всех чувствовал себя элек-трик, его разрывали на части.

— Поезжай с ней вместе, — подмигнул он мне.

Я попробовал сбежать, но меня заставили танцевать с Веро-никой.

— Как тебе сын заведующей? — спросила она.

— Похож на спящую муху.

Я уехал на такси один.

Через три дня я вошел в офис интернет-магазина косметики на Китай-городе. За праздничным столом сидели человек пят-надцать, судя по настроению, готовые развлекать себя сами. Ну-жен был только толчок.

Я пришел с гитарой. Посмотрел на ожидающие чуда лица и, почувствовав себя международным посланцем счастья, выдал нуж-ный аккорд:

— От улыбки станет всем светлей!

Со взрослыми было не сложнее, чем с детьми. Счастливые, они играли в фанты, в жмурки и громко распевали:

— Остыли реки и земля остыла! И чуть нахохлились дома!

— Вы такие молодцы! — сказал я им на прощание. — В следу-ющий раз соберетесь повеселиться, зовите сразу цыган.

Утром, сидя в красном халате, я глядел в мешок на честно с по-том заработанные деньги. Вошел Коростылёв.

— Какие планы на новый год, дедушка? — спросил он.

— Кажется, сбылась моя мечта о теплом море на Рождество.

— Поздравляю.

Через неделю на песчаном побережье Аравийского моря я вспоминал друзей и мысленно обращался к ним: «Вот, дорогие мои, я в своей стихии. Жизнь прописала талассотерапию. Наде-юсь, надолго. Здесь я понял: есть только музыка, вода и свет. Ког-да вернусь, возможно, спою вам об этом».

Мой приезд в Индию не был совсем спонтанным. В гоанской деревне у моря пятый год жил приятель, Вася Оззик из Новоси-бирска. Он запатентовал мобильное приложение и потихоньку

его продавал, приглашая в гости после каждой удачной сделки. Возвращался Вася на родину, только когда зацветала сирень, и уезжал с первыми заморозками. Свой байк и скарб на период муссонов он консервировал в деревне. Главными в его домашней утвари были усилитель и большие колонки, он со школы очень любил тяжелую музыку, особенно Black Sabbath.

Мы сидели на веранде после сансета, ели папайю с ананасом. Слушали Dream Brother в исполнении металлистов Tesseract. Стюватная акустическая система прокачивала низами темноту, как барабаны Шивы.

К пляжу группами проходили люди.

— Куда все идут? — спросил я.

— Фулл Мун Пати, — ответил за Оззика вышедший из темноты парень в футболке с Хендриксом.

— Сходим? — предложил я Оззика.

— Сходи. Погляди на фриков. Мне и здесь хорошо.

Идти было метров триста. Я вышел на пляж, потолкался среди похожих на инопланетян людей со стеклянными глазами, двигавшихся в ритме транс в огнях лазерного шоу, и увидел парня в футболке с Хендриксом.

— Привет, — помахал я ему.

Он подошел и попросил:

— Подкинь сто рупий.

— Проблемы?

— Ты, я вижу, свеженький, обгорел весь, не знаешь, как тут бывает. А я вот паспорт сжег, чтобы не возвращаться. Теперь бомжую. Могу музыкально просветить за сто рупий.

— Я тоже могу. Но бесплатно.

— Сомневаюсь, что ты габба-хардкор знаешь, джангл и бит-бит.

— Моя тема — гении шестидесятых.

— Группу Love знаешь?

— А то, Артур Ли — мой любимчик.

— Умница. Тогда дай сто рупий во имя «Джефферсон Аэро-плэйн».

— Держи. А чего тут еще интересного есть?

— Пойдем. Тут недалеко. Я — Лёха.

Мы прошли мимо нескольких бунгалов. Зашли во двор двухэтажного дома. Под большим манговым деревом у забора из пальмовых листьев стояла барабанная установка из дюжины пластиковых бочек и кастрюльных крышек на бамбуковых палках. Выглядело подозрительно и впечатляюще.

— Боцман, выходи, — позвал Лёха.

С балкона выглянул огромный парень в тельняшке.

— Есть, — помахал ста рупиями Лёха. — Спустишь, покажи, на что способен.

С пляжа зазвучал громко и ритмично рейв. Боцман сел за установку и заиграл, как Кейт Мун и Джон Бонэм вместе взятые. Я обомлел и спросил:

— Ты чего в джунглях такой талант прячешь?

— Мы тут все прячемся от хаоса, из которого ты выбрался. Хочешь вернуться, или ты двухнедельный «пакетник»?

— Я без обратного билета.

— То-то же. Ты на байке?

— Ага, здесь рядом стоит.

— Валим отсюда, здесь одни турики. В Кверим надо ехать. Есть нам на бензин?

— Есть.

Я вернулся под утро.

— Ну как? — спросил Оззик.

— Мне здесь нравится. Как в детстве в летнем пионерлагере. Все время ощущение, что только небо, только ветер, только радость впереди.

— Не увлекайся ночными прогулками, побольше купайся и ешь фрукты, а не то, что предлагают незнакомцы на пляже, иначе это ощущение быстро пройдет, — посоветовал Оззик.

— Да я уже понял. Нашел тут жильё недалеко от тебя, займусь йогой, съезжу в Гоккарну, Хампи и Ауровиль.

Месяцы у теплого моря пролетели как мгновения. В конце апреля, когда жара стала невыносимой, я покидал Индию без грусти, с надеждой, что жизнь всегда будет необъятной и непредсказуемой, словно океан, щедрой и прекрасной, как музыка.

По Лосиноостровскому парку я ходил черный, похожий на Маугли, и рассказывал Касьяну, как в Индии делают самогон

из плодов кешью. Мы развешивали воздушные шарики на деревьях, встречая гостей на первомайскую вечеринку по случаю дня рождения нашего журнала.

Освободив от мусора поляну поживописнее, мы отгородили сцену, настроили звук и украсили вокруг так, чтобы пришедшим казалось, будто они вместе с Алисой попали в Страну Чудес.

— Может, нам еще факира позвать? — подошел Стёпа. — Будет выдувать огонь при входе.

— Можно. Хотя мы сами, как факиры, — выдуваем огонь прямо из сердца шестидесятых.

— Хорошо сказал.

— Как есть. С нашей идеей о новых шестидесятых мы будем на коне в две тысячи шестьдесят седьмом.

— Уверен?

— Конечно. Сегодняшний мир окутан идеями шестидесятых, как новогодняя елка серпантином. Тогда все сошлось воедино: музыка, новые изобретения, открытия, полет в космос. Человечество получило шанс дружно шагнуть в запредельное...

— Подожди, телефон, — Стёпа внимательно выслушал трубку. — Надо встречать музыкантов. Расскажи об этом в приветственной речи.

Народу собралось — на маленький Вудсток. Вместе со всеми я вдыхал весенний воздух, как веселящий газ, и говорил:

— Друзья, все началось в 1660 году, когда вышла в свет книга Коперника с разноцветными картинками планет и Солнца. Старый мир пал, в него вошел новый дух. Дух шестидесятых. Повторяясь с каждым разом, он совершенствуется. Именно в шестидесятых годах двадцатого века музыка стала тем, чем должна быть. Она объединяла, она боролась за мир, она рождала новые вселенные, она показывала будущее, где любовь и музыка связаны с людьми, как пуповиной матери. Будущее, где нет насилия и войн. Братья и сестры, оставайтесь сердцем в этом будущем, и мы встретимся в две тысячи шестьдесят седьмом!

Народ дружно захолопал.

— А теперь игра. «Кто и что сказал в шестидесятые». Я зачитываю фразу и варианты ответов.

— Давай!

— «А видали мы в гробу вашу мелочную старческую мораль!»
Варианты ответов: это сказал Лу Рид на выступлении по случаю дня города Нью-Йорка; Игги Поп на встрече одноклассников в Мичигане; Кит Ричардс, давая показания в суде; или братья Эверли в телефонном разговоре с родителями.

— Лу Рид! Ринго Старр! Кит Ричардс! — посыпались ответы.

— Правильный ответ — Кит Ричардс! Парень в желтой кофте и девушка у поваленной березы, получите диск «роллингов» в подарок. Дальше! «Псих психу рознь. Один сходит с ума сам по себе, другой сводит с ума кучу людей, и в этом его правда». Так говорила группа «Претти сингс» о своем ударнике Твинке. Так говорил Джек Керуак об Уильяме Берроузе. Так писал журнал «60-e!» о Сиде Баррете или журнал «Роллинг стоун» о Славе Сибаритове.

После конкурса сцену заняли музыканты. Первым вышел Серёга Вяткин из группы «Дядя Го» и стал играть на пиле Yesterday.

Я присел у костра на поваленное дерево рядом с девушкой, придерживавшей гитару.

— Играешь сегодня? — спросил я.

— Неа, — помотала головой девушка.

— В желтой кофте твой парень?

— Ага.

— Он играет?

— Ага.

— Гитарист?

— Барабанщик. Вадик.

— А ты?

— А я — Олеся.

— А гитара чья?

— Моя. Но я не умею еще играть. Хочу научиться. — Помолчав, она спросила: — А можно быстро научиться что-то играть на гитаре?

— Можно. Если чувство ритма и слух есть. Прямо сейчас.

— Да?

— Давай гитару. Вот, пальцы сюда, получается аккорд «до». Играешь, убираешь указательный. Поешь. «А как по Волге...» Возвращаешь указательный, переносишь безымянный. Ля. «Ходит один...»

— Одинокий бурлак! — подхватила девушка.

— Слова знаешь, — я отдал гитару. — Вся песня на этих аккордах.

— Хорошо он на пиле играет, — указала на сцену Олеся. — А что у вас сегодня еще в программе?

— Наши лучшие барнаульские группы: «Дядя Го», «Территория» и «Тёплая трасса». Потом местные, «Заводчане» и «Усиленное питание», а на десерт Рома ВПР. В конце открытый микрофон и салют. Твой-то с кем играет?

— С «Усиленным питанием».

После салюта за полночь народ начал расходиться. Можно было еще успеть на метро. Праздничная поляна пустела, вдалеке с разных сторон раздавалось «ау!», смех и веселые крики.

Притушив костер, Стёпа, я и Касьян отправились за вермутом в ночной супермаркет у парка. Возвращались мы, как лесные братья, шагая в крошечной тьме на ощупь. В глубине парка мы поняли, что потерялись.

Покружив, мы натолкнулись на двух подозрительных типов, шедших, как и мы, напролом. В руке у одного был странный длинный чемодан.

— Разбойники с ружьем, — предположил Касьян.

— Флэш и Чудо-женщина из Лиги справедливости, — уверенно сказал Стёпа.

— Вадик и Олеся, — признал я. — С гитарой.

— Привет идейным вдохновителям журнала «60-е!»! — помахали нам. — Мы решили вернуться, но потерялись.

— Если уж мы нашли друг друга, то найдется и поляна.

Вскоре мы вышли на нее с другой стороны. В ночи украшенная шарами, флагами и гирляндами поляна выглядела как загадочный цирк в параллельной вселенной. Казалось, веселые артисты вот-вот спрыгнут сверху и праздник никогда не закончится.

— Начинаем ночную часть нашей вечеринки! — подбросив на угли дрова, объявил Стёпа. — Перед оставшейся публикой выступит известный в узких кругах Слава Сибаритов. Он прочитает лекцию о музыкальных вселенных и споет.

После вермута меня понесло, как Ермака через Обь:

— Друзья! Братья! Чуваки! Что главное в жизни? Чтобы люди собирались вместе. Именно тогда происходят замечательные и важные события. Вместе люди способны быстро и качественно изменять жизнь к лучшему. А что объединяет лучше всего? Любовь и музыка. Если они соединяются, пространство получает такое волшебное время, как шестидесятые. А когда любовь и музыка по божьему замыслу соединяются в одном человеке, то появляется Пушкин или Хендрикс. Возможно, это один и тот же человек!

— По части шевелюры они точно похожи, — согласился Касьян.

— Многие духовные общества именно в шестидесятых обнародовали сакральные знания. Они увидели, как меняется мир вокруг, и решили, что пора ускорить его развитие. Музыка и любовь так чудесно перекраивали все вокруг, что если бы не чертовы политики, мы бы сейчас ходили, как в раю... Но кому-то это встало поперек горла. Они почувствовали гнев, направленный против них. Но музыка невозможна без чистого огня внутри. Теряя гнев, я теряю музыку, говорил Тим Бакли. Поймете ли вы эти слова? Чистый гнев — это огонь, который сжигает лишнее. Картина вечной жизни рисуется красками любви и музыки. Остальное — прах.

— Это точно, — кивнул Касьян и плеснул в костер из фляжки.

Пламя вспыхнуло, взметнувшись к черному, без звезд, небу, и осветило поляну. Наши фигуры у костра были словно вырезаны из картона и наклеены на нарисованные силуэты еще голых деревьев.

Я взял гитару.

— Спою.

— Подыграю, — сел за рабочий барабан Вадик.

Ритм придавал мне уверенности, и я спел «Дайте миру шанс» и «Кончились патроны». Отзвучал последний аккорд, в тишине потрескивал догоравший костер и искры, как звезды, отлетали вверх.

— Хорошая была вечеринка, — сказал Стёпа, — революционная вполне. Может, в будущем и правда люди поймут, как с помощью музыки и любви разобраться с теми, кому нужны войны и оружие.

— Утопия, — вздохнул Касьян.

Больше никто ничего не сказал. А что говорить, жизнь проходит стремительно. И она всегда готова открывать свои тайны, но взамен она требует чистоты сознания и легкости. Но это знание не принесет пользы, если его просто повторять каждый день. Нет правильного выбора в погоне за счастьем, которым мы хотим наполнить ум, чтобы избежать страданий. Нужно просто понять, кто ты на самом деле. И стать таким же необъятным и теплым, как будущая светлая жизнь.

Я пришел к Коростылёвым пятого мая вечером.

— Ты надолго? — сразу спросили они.

— Дня на три-четыре.

— Нашел работу и снимешь квартиру?

— Нет. Приехал мой одноклассник, собрался Москву покорять. Сейчас ищет дачу в Подмосковье. К нему перееду.

— Что ж ты так...

— А что?

— Волнуемся за тебя, переживаем. Ты как из журнала ушел, так в маргинала превратился.

— Бесстрашный я несу вселенной бремя в безбрежной тишине, где тонет время, — сказал я.

— Из твоей новой песни?

— Из Шри Ауробиндо.

Кузя поселился в Томилино, в дачном поселке недалеко от овощного склада. А за ним — огромный распределительный комплекс, туда Кузя и устроился.

Домик был чуть больше платяного шкафа и чуть удобнее первой подводной лодки. Две кровати и стол.

— Ты бы тоже шел сборщиком на склад, — предложил Кузя.

Он и сам не понимал, зачем приехал. Его уволили за пьянку с алтайского вагоностроительного завода, где он работал сварщиком. Он психанул и рванул в Москву, но ее почти не видел. Приходил уставший и отсыпался.

— Надо всё в жизни попробовать, — согласился я.

Меня хватило на шесть смен.

После этого мы вместе поехали на ВДНХ. Кузя недовольно смотрел на столичную суету и мрачнел. Ему такая стремительная круговерть не годилась, он привык к размеренной сибирской жизни.

В тени лип у фонтана «Дружба народов» мы встретились со Стёпой и Касьяном.

— У тебя ренессанс, — обнял меня Стёпа, — читал твою статью про Буковского и плакал, особенно в начале, когда он принял эстафету от Хемингуэя в шестьдесят первом. А как ты лихо запараллелил творчество Таривердиева и Генсбура. Это просто песня. Ты на пике, чувак!

— Мы едем на фестиваль к Рыжему, — сказал Касьян. — Давайте с нами.

— Я никуда не поеду, — отказался Кузя.

— Не могу его бросить, — пожал плечами я, — он мне как родственник, я с ним в первом классе за одной партой сидел.

Стёпа и Касьян беспечно радовались лету, их настроение все-таки передалось Кузе, но, когда мы вернулись через два дня на дачу, он плюнул в сторону распределительного комплекса и зло проговорил:

— В гробу я его видел!

Кузя тоже перестал ходить на работу. На обед и ужин у нас была исключительно жареная картошка, которую мы за копейки брали на овощном складе. Иногда с грибами, которые мы находили, гуляя по перелескам у реки Пехорка. Я рассказывал Кузе, как хиппи в конце шестидесятых освоили Гоа, а он молча складывал грибы в пакет.

Через неделю Кузя решил ехать обратно.

— Еще месяц-полтора, и холодно тут будет жить, — начал он издалека. — Не люблю осень. Кажется, с листьями сжигают всё хорошее, что произошло весной и летом.

— А я люблю осень. Мне, наоборот, кажется, всё хорошее, что было весной и летом, становится защитным панцирем. И тогда дождь и слякоть тебе нипочем.

— Поехали домой.

— Я не знаю, где мой дом. Подожду до осени. Стёпа собирается музей шестидесятых открывать. Говорит, ему столько вещей старых отдали, на целый музей хватит. Он уже договаривается о помещении с кем-то. Буду там арт-директором, можно экскурсии и концерты устраивать. А там Новый год, елки.

Утром Кузя исчез и пришел под вечер навеселе с полным пакетом продуктов. Я играл на гитаре.

— Вот, — поставил он пакет на стол. — За раз заработал, как за неделю на складе.

— Это как?

— Сварщиком. Забор сварил мужику на седьмой линии.

— Ну и шел бы в сварщики. Еще больше заработаешь.

На это Кузя ничего не сказал.

— Угощайся, — раскрыл он пакет. — Тут все, что ты любишь. И вино, и сыр, оливки, багеты и зелень.

Я сел за стол угощаться. Через некоторое время Кузя спросил:

— Остаешься, значит?

— Ага.

Кузя закурил.

— Хочешь, спою? — предложил я.

— Зачем?

— Песню сочинил. А хорошая песня, как меч джедая, всё сокрушает на своем пути. Послушай.

— Не хочу, я теперь слушаю только гангста-рэп и дрилл.

— Ерунда какая. А может, все-таки спеть? — я игриво взял гитару.

— Не надо, — Кузя схватился за струны. — Играешь ты плохо. И песни твои с придурью.

— Мне сейчас без них никак. Отпусти струны-то!

Кузя крепче сжал гриф.

— Отцепись! — потребовал я.

И вскочил.

Кузя дернул струны, они жалобно взвизгнули и порвались.

— Да что с тобой?! — закричал я.

— А с тобой что?! — заорал Кузя.

И толкнул меня. Я с гитарой врезался в окно. Стекло с грохотом посыпалось наружу.

— Ты с ума сошёл! — закричал я.

— Это ты с ума сошел! — заорал Кузя. — Все тянут жизнь, как баржу, и никто не жалуется! А ему море подавай! Песни! На гитаре брэнчать! А работать кто будет?!

— Да какое мне дело до всех! Я, может, не все! Я, может, из будущих шестидесятых!

— Устал я, — неожиданно успокоился Кузя, вздохнул и лег спать.

Рано утром он быстро собрал вещи.

— Прости, — сказал Кузя и ушел.

Я сидел в трусах на крыльце и смотрел на заросший участок. Передо мной участливо кивал розовым цветком чертополох. Увидев у калитки полицейского, я встал.

Пришел участковый.

— Соседи жалуются, мешаете, — строго проговорил он. — Буяните, стекла бьете.

— Случайность. Хотели новый диван занести. Не вошел.

Участковый заглянул в дом.

— Ее тоже случайно диваном задели? — указал он на гитару.

Струны на ней висели, как выдранные космы.

— Ага, — посмотрел я в зеркале на свою покарябанную задумчивую рожу. — Нам песня строить и жить помогает. Но вчера что-то пошло не так.

— Распишитесь, — подал участковый бумагу о взыскании.

Мы посмотрели друг на друга, как существа с разных планет.

— Ну что, будем еще петь и играть? — задорно спросил участковый уже за калиткой.

Я промолчал, подождал, пока он отойдет подальше, и бодро крикнул:

— Будем! Но в другом месте!

Участковый хотел что-то сказать, махнул рукой и пошел дальше.

Я еще раз глянул на свою поцарапанную разбойничью рожу и стал одеваться. Нужно было найти новые струны.